

РЕЗЮМЕ

И. Диосеги: Начало карьеры Дюлы Андраши и его приостановка

В вступительной части статьи рассматриваются внешнеполитические стремления австро-германов, венгров и славян после франко— прусской войны, попытка Хоенварта, а также условия назначения Андраши министром иностранных дел. В связи с началом карьеры Андраши подробному анализу подвергается протокол военно-политического совещания февраля 1872 г. и этот документ рассматривается как вступление к антирусскому внешнеполитическому военно-политическому курсу. В дальнейшем автор статьи рассматривает внешнеполитические отношения поворота курса в феврале и анализирует шаги по созданию антирусского союза. Автор указывает на условия, которые воспрепятствовали успешному осуществлению такой союзнической политики и заставили Андраши к принятию комбинации Бисмарка о триализме вместо антирусского союза. Вторая часть статьи посвящена австро— русским, австро— турецким, австро— балканским и австро— итальянским отношениям периода 1873— 1875 гг. Автор здесь приходит к заключению, что в отношении Балкан внешняя политика Австро-Венгрии придерживалась триалистической политики. Детальному анализу подвергается формирование австро-германских отношений и доказывается, что Андраши в ряде случаев сохранил свою отдельность и в отдельных случаях выступил против германских стремлений. Внешняя политика Австро-Венгрии, стремившаяся к созданию равновесия, особенно сильно проявилась в период кризиса *Krieg in Sicht* 1875 г. Автор приходит к выводу, что Андраши, который поневоле принял политику триализма, летом 1875 года считал эту комбинацию единственной возможной рамкой и пока не хотел изменить политику монархии по отношению к союзникам.

З. Сас: Дело румынских школ в Брашове в национальной политике конца XIX в.

В период после соглашения 1867 г. венгерские правительства сознательно ограничивали политическую организацию, национальные стремления не венгерских народов Венгрии. Однако либеральное общественное мнение и правопорядок эпохи не делали возможным ни интенсивную мадьяризацию, ни лишение национальностей их культурных учреждений, вернее служившего этим целям имущества.

В числе средних школ Румынцев Трансильвании в отношении содействия румынского национального самосознания и подготовки кадров национально настроенной интеллигенции центральное место занимала основанная в 1850 г. в Брашове румынская гимназия и связанные с ней другие школы. С 1861 г. гимназия получала регулярную субвенцию от румынского правительства, сумма которой в последствии несколько раз была повышена. В годы после соглашения как бухарестское, так и (в течение некоторых лет) будапештское правительство поддерживало школы православной румынской епархии в Брашове. Согласно либеральным взглядам венгерские правительства считали естественным, что говорящие на том же языке, несмотря на государственные границы, поддерживают друг друга в культурном отношении и материально, включая даже государственную субвенцию. Субвенция из Бухареста несколько раз попала в Брашов посредством венгерского правительства, на чем оно настаивало. Таким образом венгерское государство признало право румынского государства поддерживать румынские учебные заведения в Венгрии. Вследствие ухудшения отношений между правительством и национальностями венгерские государственные деятели с 1875 г. изменили свою позицию и запретили использование заграничных субсидий. Однако Брашовская румынская гимназия продолжала в течение следующих 20 лет получать — полусекретно — субвенцию.

Предлагаемая статья рассматривает в первую очередь деятельность правительства Банфи (1895—1899) в этом отношении. Банфи создал в рамках президиума министерского совета т. наз. сектор по делам национальностей, чтобы руководить насильственной национальной политикой в рамках комитатской администрации. Частью этой национальной политики нового типа являлась попытка воспрепятствовать всем политическим и культурным субвенциям из Румынии. Путем министерства иностранных дел правительство добилося того, что правительство Стурдза прекратило все культурные субвенции. Однако в деле Брашовских школ правительство Банфи пришлось отказаться от этого. Вековые связи румынской епархии с Мунтенией и с Молдавией делали возможным легализовать секретную помощь в виде вознаграждения частного-правового характера. Из соображения внешней и внутренней политики правительство Банфи должно было считаться с этим положением, ввиду того, что сохранение у власти правительства Стурдза было важным с точки зрения союза Румынии с державами Тройственного союза, а также того, что правительство Стурдза поддерживало то крыло румынского национального движения в Трансильвании, которое в это же время считалось венгерским правительством менее опасным. Статья показывает и попытки Банфи путем венгерской государственной субвенции вмешиваться в дела Брашовской гимназии, в случае прекращения субвенции из Бухареста. Это было частью кампании, направленной на усиление мадьяризации школ. Так как вопрос Брашовской школы мог послужить важным средством румынской оппозиции для свержения правительства, дело закончилось соглашением: бухарестское правительство передало в Будапешт румынские государственные займы ценой в 962 500 форинтов, а 4%-овые проценты этой суммы ежегодно передавались венгерским министерством учебного дела Брашовской гимназии.

Принципы этого соглашения были разработаны правительством Стурдза и министерством иностранных дел Австро—Венгрии и приняты Банфи. Осуществление соглашения оказалось делом следующих правительств Кальмана Селла и Г. Гр. Кантакузино.

Брашовская румынская гимназия при поддержке румынского правительства и его оппозиции отстояла свою независимость на основе церковной автономии. Ее положение улеглось тем обстоятельством, что не было возможным добиться согласия между венгерскими националистическими стремлениями и внешне-политическими интересами Австро—Венгрии, а также тем, что внутренние противоречия венгерских господствующих классов также предлагали известные возможности маневрирования национальностям в защиту их национально-культурных интересов. Это иллюстрируется на примере Брашова.

Автор показывает ход и политические мотивы соглашения припомощи дипломатических документов.

Л. Шоймош: Исследования и использование важнейших средневековых источников по местной истории

Большое количество изданий по местной истории, вышедших в свет за последние полтора-два десятилетия, свидетельствуют о том, что в соответствии с принципом социалистического патриотизма общество выдвигает все возрастающие требования к местной истории и наряду с ознакомлением с прошлым страны все более широкие слои населения интересуются судьбой их родной деревни или города. Как бы интерес общественности к прошлому родной земли ни был отраден, надо признавать, что научный уровень трудов по местной истории больше зависит от эрудиции историка, чем от требования и побуждения общества. Настоящий уровень трудов по местной истории выдвигает необходимость расширения специальных знаний историков. С этой целью автор составил методическое руководство исследований, в котором он рассматривает исследование и использование важнейших средневековых источников местной истории.

В соответствии с требованиями общества автор считает, что главная задача отрасли истории средних веков, занимающейся местной историей, заключается в том, чтобы она разработала средневековую историю существующих и сегодня местностей. На практике это исследование означает, что историк должен раскрыть прошлое всех разрушенных и сохранившихся поселений, находящихся в окрестности выбранного поселения. Так как поселения средневековой Венгрии представляли собой село (*villa*) и сельский городок (*oppidum*), местная историография по истории средних веков рассматривает в первую очередь историю сел и сельских городков.

Среди различных средневековых источников местной истории упомянутое методическое руководство посвящено двум выдающимся группам источников; письменным

памятникам и ономастике. В ходе своей работы историк местной истории использует, в большинстве случаев, 10 важнейших типов средневековых письменных памятников. Это — привилегии, урбарии, податные списки, жалованные грамоты (*litterae donationales*), отдельные грамоты (*litterae divisonales*), далее *litterae metales*, *litterae adiudicatoriae*, *litterae missiles*, *inventarium*, *testamentum*. Автор статьи подробно излагает 10 различных по содержанию типов источников, их историческое использование.

Вследствие скудности материала средневековых источников важными источниками для местной истории являются личные имена и названия местностей, появляющиеся в письменных памятниках. Из личных имен можно сделать вывод относительно профессии, бывшего местожительства и этнического характера данного лица. Непрерывность и порывание населения поселений отражается в изменении антропонимии, а генеалогическое сочетание личных имен с открытием родственных связей дает освещение фона карьеры семьи.

Названия местностей свидетельствуют главным образом о жителях, владельце или собственнике местности, о ее хозяйственных функциях и важнейших строениях, ее делении или разрушении. Автор излагает важнейшие типы названий местностей и время их возникновения. Благодаря тому, что топология названий местностей определяет во время рамки возникновения отдельных типов названий местностей, она оказывает незаменимую помощь в познании ранней истории поселений, определении времени возникновения местностей. Автор изучает проблемы идентификации имен и локализации, занимается оспоримыми вопросами использования названий местностей, решение которых он ожидает от совместных усилий археологии, истории и языкознания.

По методическому руководству надо продолжать расширять архивное исследование, следующее за разработкой исторической литературы и источников. Минимум архивного исследования состоит в том, чтобы историк местной истории рассмотрел архив тех лиц, которые владели выбранным поселением в средневековье и в новое время, а также — если есть таковой — архив самого поселения. Многостороннее раскрытие прошлого, однако, требует намного больше этого.

В Венгрии значительная часть средневековых источников возникла в ходе деятельности по заверительным местам (*loca credibilia*) капитулов и конвентов, а также комитатских властей и изданные ими источники сохранилось в материалах различных архивов. Ввиду того, что деятельность всех *loca credibilia* и комитатских властей ограничилась определенным краем, на основе положения и раньше познававших источников данного поселения можно установить, что в его делах которые из заверительных мест и комитатских властей были компетентными. Посредством архивных пособий исследователь может регистрировать издания данного заверительного места и комитатских властей. Изучение этих изданий может способствовать раскрытию средневековой истории не только данного поселения, но и большего края. Изучение источников, всесторонне освещающих средневековую жизнь, содействует многостороннему показу прошлого данного поселения, преодолению узкого провинциализма и может обеспечивать разработку ряда новых проблем. Публикация же учебных изданий компетентных заверительных мест и комитатских властей в форме библиографии облегчает работу не только историков, занимающихся средневековой историей местностей, но и всех исследователей средних веков.

Я. Я. Варга: Имена сервиентов, несших военную службу во владениях крупных землевладельцев Баттьяни (XVII—XVIII вв.)

В Задунавье XVII—XVIII вв. местные дворяне, а также дворяне, бежавшие сюда из областей, захваченных турками, часто переходили на службу к магнатам. Становясь сервиентами магнатов и состоятельными среднепоместных землевладельцев и в качестве таковых принимая на себя обязательство нести военную службу, они защищали западные окраины страны. При этом они одновременно выполняли задачу обороны родины и обеспечивали собственное существование.

В крупных земельных владениях магнатского рода Баттьяни дворяне, исполнявшие военную службу, часто наряду с жалованием, размер которого определялся договором с землевладельцами, получали за их службу дворянские наделы или части таких наделов. Если господин жаловал такие владения навечно, то он напоминал сервиенту о его верной службе и в качестве вознаграждения передавал ему владение или его часть безвозвратно, на вечном праве, то есть и его наследникам. Тем самым одновременно господин обеспечивал своему стороннику беспрепятственное обладание имением, а затем этого сервиента вводили во владение пожалованным ему имением.

Многие сервиенты пользовались пожалованиями на вечном праве, вследствие чего часть магнатских имений попала в чужие руки. Чтобы приостановить этот процесс, магнаты использовали свое влияние на сервиентов, применяли законные средства и не оставались перед осуществлением насильственных мер. Так что магнат сумел завоевать себе более выгодные позиции в постоянной борьбе с мелкими землевладельцами. пожалования на вечном праве составляли лишь одну из частей землевладения сервиентов. Другой его частью были владения, полученные от предков, купленные на вечном праве и взятые в залог, а также земли, захваченные в ходе создания домениальных хозяйств. Чаще всего использовались для вознаграждения сервиентов за их службу земли, взятые в залог. Их значение в XVII в. в сильной степени выросло. Сам сервиент также мог выступать в качестве залогодержателя и залогодателя. Он являлся равноправной стороной и по отношению к господину, и по отношению к другим лицам во всех случаях, кроме судебных процессов. Хотя одним из мотивов отдачи в залог было получение денег, магнаты жаловали дважды и трижды заложенные земли, используя их таким образом, чтобы привязать несколько поколений семей сервиентов к своим владениям. Благодаря этому магнаты обеспечивали, с одной стороны, целостность их владений, а с другой — создавали постоянный слой военачальников своего частного войска. Исследование дел об отдаче земель в залог позволило выяснить, что существовали большие различия среди дворян, состоявших на службе у магнатов, и что в семьях этих дворян передавались по наследству те узы, которые связывали их с магнатами.

Слой сервиентов, как и магнаты, создавал свои домениальные хозяйства. При этом сервиенты использовали те же средства, которыми пользовались и магнаты. Хозяйства сервиентов, несмотря на их скромные возможности, хорошо использовали конъюнктуру рынка западных областей страны. Об этом свидетельствует пример домениального хозяйства в комитате Шопрон, принадлежавшего Ференцу Калди II — начальнику полевого и придворного войска Кристофа Баттьяни II.

Землевладение сервиентов XVI—XVII вв., как и сам институт службы дворян в частном войске магнатов, было порождением эпохи турецкого завоевания. Оно было создано необходимостью защиты страны. С изгнанием турок оно исчерпало свои функции, и в XVIII в. мы его уже не находим.

М. Скотт Эдди: Кому на пользу? Протекционистская политика Венгрии и дуалистической монархии

Новым вкладом в дискуссию историков относительно прибылей и убытков стран-участниц австро-венгерской таможенной унии явилось мнение, высказанное недавно Петером Ханакем, который показал на основе индексов цен, составленных Центральным Статистическим Управлением, что относительные тенденции движения цен были значительно благоприятнее в эпоху дуализма для Венгрии, нежели для Австрии. В противоположность этому мнению автор статьи утверждает, что эти индексы цен весьма неполны, и поэтому можно с полным правом поставить под сомнение сделанный на их основе вывод. В данной статье автор пытается использовать новый метод исследования, который позволяет учесть все категории вывозимых и ввозимых товаров и определить с помощью ЭВМ величину прибыли или убытка венгерских экспортёров. Основные результаты проведённого автором исследования состоят в следующем:

В течение времени, относительно которого мы располагаем достоверными данными (1882—1913), баланс экспорта и импорта складывался явно не в пользу венгерских экспортёров: они лишились сумм, составлявших по крайней мере 2—8 процентов все стоимости экспортируемых ими товаров. Значительно более среднего уровня потерь составляли потери производителей сельскохозяйственной продукции, поставивших её на вывоз. Но распределялись эти потери неравномерно: со второй половины девяностых годов девятнадцатого века таможенная политика монархии фактически поддерживала экспортёров зерна вместо того, чтобы область их налогом. Судя по этому факту, а также по другим данным, крупные землевладельцы извлекали прибыль благодаря такой политике, которая в сильной степени задевала интересы мелкого крестьянства. Обнаруживается также поразительное сходство с отношениями, существовавшими в Германии.